

Научная статья
УДК 94(560)+94(47)
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-73-89
EDN: CKOVIZ

ПОЗИЦИЯ И ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ДЕМАРШИ АНГЛИИ В СВЯЗИ С ИСХОДОМ ЧЕРКЕСОВ В ОСМАНСКУЮ ИМПЕРИЮ В 1864 ГОДУ

Георгий Витальевич Чочиев

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований
им. В.И. Абаева ВНЦ РАН, Владикавказ, Россия, georg-choch@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-8082-7806>

Аннотация. В статье на основе главным образом документов британской дипломатической переписки изучаются подходы и шаги Форин-оффиса в связи с проблемой массового исхода черкесов в Османскую империю в 1863-1864 гг. Основное внимание уделяется прояснению фактологии, мотивов, характера и результатов имевшего место в мае-июне 1864 г. относительно активного формулирования британскими дипломатами в Турции и России предложений по данному вопросу и их попыток его постановки в международную повестку дня. Делается вывод о двойственной природе реакции официального Лондона на черкесский миграционный кризис и гуманитарную катастрофу, обусловленной общей логикой и реалиями англо-русского соперничества на османском Востоке с его вариативностью «жесткой» и «мягкой» линий. Выявляются причины отказа в конечном счете английского правительства как от педалирования темы моральной и финансовой ответственности Петербурга за «нецивилизованные» методы экспансии на Кавказе, так и от кредитования черкесской колонизации в Анатолии, и ограничения лишь отправкой в Османскую империю умеренной гуманитарной помощи для беженцев. С другой стороны, рассмотренная корреспонденция полностью подтверждает и дополняет данные других источников о крайней неадекватности мер, принятых российскими и османскими властями для организации, соответственно, отправки и приема черкесов и обусловленных этим высоких уровнях смертности и страданий людей. В целом работа способствует лучшему пониманию роли британского фактора в процессах миграции и поселения северокавказцев в османских пределах.

Ключевые слова: черкесский исход 1863-1864 гг.; Российская империя; Османская империя; Британская империя; миграционный кризис; гуманитарная катастрофа; дипломатия

Для цитирования: Чочиев Г.В. Позиция и дипломатические демарши Англии в связи с исходом черкесов в Османскую империю в 1864 году // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 4. – С. 73-89. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-73-89. EDN: CKOVIZ.

© Чочиев Г.В., 2025

POSITION AND DIPLOMATIC DEMARCHES OF GREAT BRITAIN IN CONNECTION WITH THE EXODUS OF THE CIRCASSIANS TO THE OTTOMAN EMPIRE IN 1864

Georgy V. Chochiev

V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the
Vladikavkaz Scientific Centre of RAS, Vladikavkaz, Russia, georg-choch@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-8082-7806>

Abstract. The article, based mainly on documents of British diplomatic correspondence, studies the approaches and moves of the Foreign Office in connection with the problem of the mass exodus of Circassians to the Ottoman Empire in 1863-1864. The main attention is paid to clarifying the facts, motives, nature and results of the relatively active formulation of proposals on this issue by British diplomats in Turkey and Russia during May-June 1864 and their attempts to put it on the international agenda. A conclusion is made about the dual character of the reaction of official London to the Circassian migration crisis and humanitarian catastrophe, conditioned by the general logic of the Anglo-Russian rivalry in the Ottoman East with its variability of the “hard” and “soft” lines. The reasons for the British Government’s ultimate refusal to both peddle the theme of St. Petersburg’s moral and financial responsibility for the “uncivilized” methods of expansion in the Caucasus and to finance Circassian colonization in Anatolia, as well as to limit itself to sending only moderate humanitarian aid to the refugees in the Ottoman Empire, are revealed. On the other hand, the examined correspondence fully confirms and supplements the data of other sources on the extreme inadequacy of the measures taken by the Russian and Ottoman authorities to organize, respectively, the dispatch and reception of Circassians and the high levels of mortality and human suffering caused by this. Overall, the work contributes to a better understanding of the role of the British factor in the processes of migration and settlement of North Caucasians within the Ottoman borders.

Keywords: Circassian exodus of 1863-1864, Russian Empire, Ottoman Empire, British Empire, migration crisis, humanitarian catastrophe, diplomacy.

For citation: Chochiev G.V. Position and diplomatic demarches of Great Britain in connection with the exodus of the Circassians to the Ottoman Empire in 1864. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 4. – P. 73-89. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-73-89. EDN: CKOVIZ.

© Chochiev G.V., 2025

Введение

Одним из итогов Кавказской войны стало «очищение» царским режимом от коренного населения значительной части Северо-Западного Кавказа¹. Еще в мае 1862 г. Александром II было утверждено разработанное Кавказским комитетом² постановление, в соответствии с которым «непокорные», по имперской классификации, общества горной и приморской зон Закубанья подлежали либо перемещению на низины левого берега р. Кубань, либо выселению в Османскую империю, а освобождаемая таким образом территория – колонизации казачьим элементом [Положение 1862]³. В течение следующих двух лет подразделения

¹ Хотя во многих дореволюционных официальных документах и верноподданнической историографии эта акция именуется «окончательным покорением» или «умиротворением» Кавказа, осуществившие ее военные в своей служебной переписке не считали нужным прибегать к подобным эвфемизмам и называли вещи своими именами. Так, командующий войсками Кубанской области Николай Евдокимов в своем итоговом отчете об операции 1863-1864 гг. более двадцати раз употребляет глагол «очищать» (в разных формах) для описания действий подчиненных ему войск в отношении «неприятельных туземцев» [см.: Кумыков 2003: 170-194], невольно предвосхищая тем самым появление в конце XX в. характеризующего подобные явления термина «(этническая) чистка».

² Кавказский комитет – особый межведомственный орган, созданный в 1840 г. царским правительством для решения вопросов, связанных с включением Кавказа в состав Российской империи.

³ Совершенно очевидно при этом, что разработчики плана отдавали предпочтение второй альтернативе, недвусмысленно записав в постановлении, что «чем больше окажется таких (не пожелавших переместиться на плоскость и удалившихся в Турцию. – Г.Ч.) переселенцев, тем меньше затруднений мы будем иметь при дальнейшем устройстве покоренного края» [Положение 1862: 264]. В глазах же самих выселяемых оба варианта релокации – «домашний» и «заморский» – едва ли принципиально отличались друг от друга, так как равным образом ассоциировались с утратой родины и проистекающими из этого лишениями. Как справедливо замечает Ирина Тхамокова, прикубанские равнины являлись для жителей горной Черкесии «почти такой же чужой землей, как Турция» [Тхамокова 2021: 56].

Кавказской армии под командованием великого князя Михаила Романова осуществили масштабную военно-депортационную операцию, в ходе которой все черкесские (преимущественно адыгские, но также убыхские, абазинские и абхазские) группы на пространстве от Белой и ее притоков до Черного моря – оценочно не менее 0,5 млн чел. – были вытеснены со своих земель и, за исключением поселившегося в Прикубанье в окружении казачьих станиц абсолютного меньшинства, в форсированном порядке согнаны к морскому побережью для удаления в османские пределы [Кумыков 2003: 170-194; Берже 1882: 349-352]. Важно отметить, что данные мероприятия проводились с применением весьма жестких и изощренных методов подавления и устрашения, включая разрушение жилищ и селений и «истребление» хозяйственной и продовольственной базы населения, что уже на начальной стадии миграции создало предпосылки для тотального обнищания и физического истощения депортантов.

Особенно драматическую форму исход принял с конца осени 1863 г., когда в береговой полосе от Анапы до Гагры стали скапливаться многотысячные массы людей, видевших в уходе, а фактически бегстве в султанские владения единственное спасение от постигшего их погрома¹. Большинство черкесов при этом устремлялось в еще не занятые войсками участки побережья в надежде переправиться за море на легально или нелегально входивших в российские воды турецких каботажных судах – кочермах и сандалах². Однако их повсеместная нехватка и чрезвычайно низкая платежеспособность беженцев, зачастую достигавших берега «без продовольствия, без денег и даже без одежды», существенно затрудняли отплытие, что вело к усилению скученности и быстрому распространению голода и инфекционных заболеваний в созданных самими черкесами или властями лагерях [Берже 1882: 349, 352].

Еще более тяжелые испытания ожидали изгнанников в ходе многодневного, а порой и многонедельного морского перехода. Так, по имеющимся свидетельствам, из-за давки, холода, болезней, недостатка пищи и пресной воды на борту упомянутых судов, а также в результате вызванных их перегрузкой крушений погибло до 1/5 всех пассажиров [см., напр.: Кравцов 1886: 45; Дроздов 1877: 457; Нарочницкий 1988: 209].

В силу названных обстоятельств основная масса черкесов ступала на землю своей новой «родины» в состоянии почти полного материального, физического и морального коллапса. Поскольку же нараставшее давление царских войск выталкивало с Кавказа все новые общины, обстановка на побережье Северо-Восточной Анатолии, прежде всего в окрестностях Трабзона, где, как правило, стихийно высаживались беженцы, стремительно приобрела характер миграционного кризиса, а затем и гуманитарной катастрофы.

Следует подчеркнуть, что в рассматриваемый период Османская империя, страдавшая от хронического бюджетного дефицита и все глубже увязавшая во

---

¹ Как «погром», «беспримерный в истории погром», «неслыханный разгром» и т.п. превозносит кампанию 1863-1864 гг. ее участник и рьяный апологет генерал Ростислав Фадеев [см.: Фадеев 2010: 227, 229, 239, 397, 399].

² Кочерма (вероятно, от тур. *гёчерме* «перевоз, перемещение») – название одно- или двухмачтовых парусных судов длиной до 15 и шириной до 3,5 метров, широко использовавшихся в XIX в. в Черном море турецкими моряками, рыбаками, торговцами и т.д. Сандал (тур.) – лодка.

внешних долгах¹, совершенно не была готова к единовременному приему такого количества нуждающихся в основательной социально-экономической реабилитации людей и не только не поощряла, но и по мере своих возможностей пыталась дипломатическим путем воспрепятствовать их притоку². Лишь с конца 1863 г. Порты, будучи поставлена действиями России перед фактом массовой черкесской иммиграции, приступила к экстренной, но далеко не эффективной мобилизации своих финансовых и административных ресурсов для решения этой проблемы.

Врасплох были застигнуты и власти на местах, на что указывает докладная записка губернатора Трабзонского эялета Эмин-паши в правительство от 3 декабря 1863 г. о прибытии за последние две недели в провинциальный центр в состоянии «невыносимой для сердец» нищеты примерно 5 тыс. черкесов, включая немало детей, и больших трудностях в их обеспечении жильем, одеждой, питанием и лекарствами [BOA. İ.MMS 27/1189-3]. К середине февраля 1864 г., по данным османского Карантинного совета³, число беженцев в регионе удвоилось, при том что 3 тыс. из них к этому времени уже умерли от оспы и тифа. С наступлением же весны исход принял лавинообразный характер. Так, в течение марта и первой декады апреля в Трабзон прибыло более 40 тыс. чел., а с середины апреля черкесы стали высаживаться также в Самсуне и других анатолийских портах и пристанях, где фиксировались те же проявления масштабного человеческого бедствия на фоне беспомощности официальных служб. К началу июня общее количество иммигрантов в местах их временного содержания приближалось к 200 тыс. при смертности до 300-400 и более человек в день [Чочиев 2019: 123-128].

Несмотря на то, что описываемые трагические события нашли широкий отклик в западной прессе, вызвав видимый всплеск прочеркесских и, соответственно, антироссийских настроений в общественном мнении [Karpat 1985: 69]⁴, они не стали поводом для какой-либо официальной реакции в основных европейских столицах, где, хотя и отслеживали через свои консульства ситуацию, но явно были склонны трактовать перемещение черкесов как вопрос двусторонних российско-османских отношений, а организацию приема, натурализации и размещения иммигрантов во владениях султана – как сугубо внутреннюю проблему Порты, с чем последняя, опасавшаяся любых иностранных вмешательств в свои дела, изначально, похоже, также была принципиально согласна.

¹ Краткую характеристику социально-экономического положения османского государства в период после Крымской войны см. в: Еремеев, Мейер 1992: 213-214.

² Порты обращалась к российской стороне с просьбами о приостановке или отсрочке эмиграции в декабре 1863 г. [BOA. İrade. Meclis-i Mahsus (далее – İ.MMS) 27/1189; Кумыков 2001: 235-236, 238; АВПРИ. Ф. Канц. министра иностр. дел. Оп. 469. Д. 36. Л. 170], январе [РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 448. Л. 2], апреле [Кумыков 2001: 267] и декабре 1864 г. [Кумыков 2001: 329, 345-346].

³ Совет по карантину (тур. *Меджлис-и тахаффуз*) или, в европейских источниках, Совет по здравоохранению (фр. *Conseil de santé*) – учрежденный в 1838 г. султанским указом специализированный орган по борьбе с инфекционными заболеваниями в Османской империи.

⁴ К примеру, автор статьи «Черкесский исход» в лондонской «Таймс» за 9 мая 1864 г. описывал положение черкесов как «страшную катастрофу,... превосходящую по степени лишений и ужасов все, что мне когда-либо приходилось видеть зафиксированным на бумаге относительно человеческих страданий». А известный писатель и политик Лоренс Олифант в письме в ту же газету от 12 мая отмечал, что героическая борьба и судьба черкесов «не могут не найти отклик в сердце каждого англичанина», призывая читателей «не отказывать в симпатиях и деньгах, которые могут облегчить несчастья этих 300 тысяч людей» [Exodus 1864].

Ведущая мировая держава эпохи Великобритании, в прошлом порой прибегавшая к закулисному стимулированию сопротивления черкесов российской экспансии, однако неизменно (вне периода Крымской войны) воздерживавшаяся от их прямой поддержки во избежание конфронтации с Петербургом¹, также заняла откровенно дистанцированную позицию в связи с победоносным утверждением России на Северо-Западном Кавказе и исходом оттуда противостоявшего царским войскам населения, что лишний раз высвечивало подчиненную роль Черкесии в системе английских приоритетов на османском Востоке, нацеленной в первую очередь на обеспечение контроля над проливами и путями в Индию. Тем не менее, на наиболее напряженном, пиковом этапе кризиса определенные обстоятельства все-таки подвигли некоторых высокопоставленных чиновников британского внешнеполитического ведомства в Стамбуле, Петербурге и Лондоне на несколько более заинтересованное и открытое, но при этом далеко не единообразное, формулирование подходов к проблеме черкесских беженцев, что даже (или едва не) вынесло ее на очень короткий срок, ограниченный, в сущности, маем и началом июня 1864 г., в международную повестку дня.

Целью настоящей статьи является выяснение как фактологии, так и причин, природы и последствий этой непродолжительной активности, что может способствовать лучшему пониманию роли британского фактора в процессе миграции и последующей колонизации северокавказцев в османских пределах. Данный заднеплановый сюжет черкесского изгнания, ранее не становившийся объектом специального исследования в отечественной историографии, рассматривается ниже главным образом на основе документов британской дипломатической переписки [Memorandum 1877; Papers 1864] и написанных с их использованием научных работ, содержащих также публикации оригинальных материалов [Çiçek 2009; Şaşmaz 1998].

План «спасения черкесов» посла Булвера

Практически с самого начала массового притока черкесов в Трабзон английский консул в этом городе Фрэнсис Стивенс информировал о ходе миграции посла ее величества в Стамбуле Генри Булвера и главу Форин-оффиса Джона Рассела. Так, в его донесении от 21 декабря 1863 г. сообщалось о концентрации в городе около 7 тыс. бедствующих людей, из которых «порядка двадцати или тридцати умирают каждые двадцать четыре часа» [Memorandum 1877: 3]. В составленном 17 февраля 1864 г. следующем отчете по данному вопросу Стивенс обращал внимание на значительное ускорение иммиграции и создаваемую этим серьезную угрозу общественному здоровью. Несколько лапидарно, но с заметной тревогой он, в частности, констатировал: «За три истекших дня высадилось приблизительно 3 тысячи черкесов... Среди добравшихся [живыми] сотни страдают от болезней, вызванных пережитыми ими до отплытия голодом и нуждой... Недуг распространяется устрашающими темпами среди черкесов и местных; смертность растет; паника велика и всеобща, и все готовятся покинуть город. Из

---

¹ Подробнее о вовлеченности Англии в международное политическое, военное и дипломатическое соперничество вокруг Черкесии в контексте «восточного вопроса» в 1830-х – первой половине 1860-х гг. см., напр.: Панеш 2006; Дегоев 2009; Касумов, Касумов 1992.

трех европейских врачей, на которых возлагались надежды, один, французский подданный, сегодня умер от тифа... Некоторые сотрудники паши, по долгу службы контактировавшие с черкесами, заразились, несколько умерли...». По мнению Стивенса, несмотря на то, что губернатор Эмин-паша делал все, что было в его силах, для облегчения участи «этих несчастных людей», имевшиеся в распоряжении провинциальной администрации средства были крайне ограничены, а «распространенные среди турецких чиновников взяточничество и казнокрадство» существенно усугубляли положение¹. В подробностях описав тяжелую санитарно-эпидемическую обстановку в городе², консул предрекал расширение в самом ближайшем будущем масштабов бедствия, «если незамедлительно не будет принята какая-либо мера» [Papers 1864: 1; Çiçek 2009: 65].

Весной, когда прогнозы Стивенса полностью подтвердились и миграция перешла в обвальную форму, привлечь внимание Англии к положению своих соотечественников попытались, похоже, и представители черкесской политической эмиграции, с 1830-х гг. лоббировавшей в турецких и западных дипломатических и правительственных кругах идею независимости Черкесии³. Именно от них, по всей видимости, исходила датированная 9 апреля 1864 г. петиция «народа Черкесии» королеве Виктории, врученная Булверу⁴. Авторы данного документа, констатируя факт «более чем восьмидесятилетнего» самоотверженного сопротивления черкесов «незаконным усилиям русского правительства покорить и присоединить к своим владениям» их страну, сетовали, что в «последние один или два года» враг, воспользовавшись вызванной произведенными им опустошениями и засухой нехваткой продовольствия, смог нанести значительный урон обороняющимся, вследствие чего множество людей погибло «в сражениях, от голода в горах, от лишений на берегу и от неопытности на море». Ввиду этого к британскому правительству и народу – «стражам гуманности и средоточию справедливости» – обращалась просьба о посредничестве и содействии в «отражении жестоких атак русского правительства... и совместном спасении нашей страны и нашей нации», а в случае невозможности этого – в «предоставлении средств для перевозки в безопасное место наших беззащитных и несчастных детей и женщин, гибнущих от свирепых нападений врага и последствий голода». Очевидно, не питая больших надежд на выполнение этих требований, петиционеры пафосно, но обреченно завершали свое послание заверением, что, даже если их народу, несмотря на все апелляции к «милосердию правительств», суждено

---

¹ В качестве примера такого злоупотребления приводился факт направления Портой в Трабзон для иммигрантов старого военного обмундирования и медикаментов. Если первый вид помощи пришелся весьма кстати, то второй оказался бесполезен, так как «поставщики, как всегда, преследовали в первую очередь собственные, а не правительственные интересы и вместо действительно нужных дешевых и простых лекарств прислали импортированные из Европы чрезвычайно дорогие, но неэффективные в борьбе с нынешней эпидемией препараты, покрыв, естественно, и комиссионные сборы из государственного бюджета».

² Стивенс, в частности, писал: «Кварталы вблизи кладбищ стали непригодны для проживания из-за небрежной манеры погребения покойников и скверных последствий этого, и целые семьи покидают свои жилища. Главный акведук, питающий фонтаны города, заражен: несколько дней назад в нем нашли плавающим труп черкеса. Улицы и площади находятся в отчаянно грязном состоянии; продовольствие становится все скуднее и дороже, а топливо полностью отсутствует, что усугубляет нищету и способствует распространению болезней».

³ Подробнее об этой деятельности см., напр.: Панеш; Дегоев; Köremezli.

⁴ О том, каким образом обращение было передано Булверу, сведения отсутствуют. Из текста, однако, явствует, что его копии были представлены также в посольства других держав и в султанское правительство.

будет «полностью исчезнуть», они продолжают «взывать о его правах перед лицом Повелителя Вселенной» [Papers 1864: 2-3].

12 апреля Булвер препроводил петицию Расселу вместе со своей депешей, в которой указывал на почти поголовный исход населения из Черкесии из-за продолжающегося продвижения царских войск, угрозу, создаваемую «скоплением огромных масс этих людей, не имеющих никаких производственных навыков,... здоровью и спокойствию любой местности», и «шокирующую для человечества» смертность среди отчаянно стремящихся спастись от своих завоевателей изгнанников [Papers 1864: 2]¹.

Обеспокоенность Булвера была, по-видимому, только усилена датированным 15 апреля донесением от Стивенса, в котором сообщалось об ожидающейся вскоре в Трабзоне стотысячной волне иммигрантов из накануне занятых русскими районов Вардана и Сочи и обусловленной этим опасности «банкротства» города в случае ненаправления туда Портой в срочном порядке материальных и кадровых резервов [Çiçek 2009: 67]. Эта информация, как можно предположить, окончательно подсказала послу необходимость принятия в связи с развернувшимся кризисом более радикальных и далеко идущих мер, которые и были изложены им в пространном послании Расселу от 3 мая.

В этом письме, в частности, отмечалось, что черкесы, «ценившие больше родины лишь свободу», теперь вынуждены «бежать с берегов, обессмерченных их сопротивлением, и искать убежище в соседней империи», что создало ситуацию, характеризуемую Булвером формулой «Черкесия погибла, остается спасти черкесов». Османское правительство, при всем своем желании предоставить гостеприимство кавказским изгнанникам, смогло к рассматриваемому моменту выделить для их поддержки, по сведениям посла, лишь «сравнительно небольшую» сумму, соответствующую примерно 200 тыс. фунтов стерлингов. Кроме того, Порта избрала «самый дешевый, но наихудший» путь размещения новых подданных на своей территории, предполагавший их распределение по турецким селам в различных провинциях с передачей одной черкесской семьи на попечение четырех турецких, что усугубило бы и без того бедственное положение местных крестьян и обрекло самих черкесов на жалкое существование, при том что «сила этих почти непобедимых воинов оказалась бы раздроблена, растрочена и потеряна». Между тем «благоприятный и для Турции, и для Европы» способ поселения черкесов заключался в их сосредоточении в виде военных колоний на пространстве между Черным морем и Эрзурумом – «в стране, лежащей напротив той, что они покинули, и до некоторой степени напоминающей ее», где они могли бы не только «отдохнуть от своих несчастий», но и образовать дополнительный источник пополнения османской армии². К тому же в этом случае часть

¹ Временный поверенный в делах России в Стамбуле Евгений Новиков в донесении министру иностранных дел Александру Горчакову от 26 апреля утверждал, ссылаясь на конфиденциальное «признание» Булвера, якобы последний отказался принять петицию, которой «живущие в Константинополе черкесские предводители хотели заинтересовать его судьбой своих соотечественников» [АВПРИ. Ф. Канц. министра иностр. дел. Оп. 469. Д. 30. Л. 419; Берже 1882: 175]. Как следует из цитируемого британского документа, эта информация не соответствует действительности.

² Именно такой вариант колонизации северокавказцев в османском государстве, объективно наиболее благоприятный для перспектив их этнонационального выживания, был по военно-стратегическим причинам

поселенцев могла быть задействована в строительстве «крайне необходимой для турецкой торговли» дороги между Трабзоном и Эрзурумом¹. Однако, поскольку в османской казне отсутствовали требуемые для реализации этого плана средства, Булвер полагал целесообразным развернуть в Европе «нечто вроде движения» по привлечению кредитов и пожертвований на нужды черкесов, для чего в Лондоне и Париже должны были быть учреждены специальные комитеты, а в Стамбуле – комиссия из «османских подданных известного характера» с включением в нее «какого-нибудь европейского делегата». Предоставленного Порте под невысокий процент и под ее твердые гарантии займа в размере около 1,5 млн фунтов стерлингов было бы, по убеждению Булвера, вполне достаточно для претворения в жизнь его замысла [Papers 1864: 4-5; Memorandum 1877: 6].

Помимо этого, важной составляющей плана выступал пункт о желательности побуждения также и правительства в Петербурге к частичной компенсации расходов Порты на прием и расселение покинувших Россию северокавказцев².

Данный проект поначалу был безоговорочно поддержан лондонским кабинетом [Memorandum 1877: 6]. После же беседы Булвера с его французским коллегой Франсуа де Мутье последний представил в свой МИД аналогичные предложения, также получившие полное одобрение [Papers 1864: 6].

Вслед за этим согласованные с министром иностранных дел Порты Фуад-пашой и великим везиром Али-пашой озабоченности англо-французской дипломатии относительно хода и последствий переселения черкесов были предъявлены и российской стороне.

Понимание «имперского бремени» России посла Нейпира

Согласно донесению Новикова Горчакову, цитируемому в отчете английского посла в Петербурге Фрэнсиса Нейпира в Форин-оффис от 1 июня 1864 г.³, ранее в мае де Мутье в ходе обсуждения с Новиковым миграционного кризиса на берегах Черного моря заявил ему «с горячностью и резкостью» о недопустимости возложения на Турцию всего бремени приема беженцев и высказался в том духе, что России следовало бы предложить Порте в данной связи «некую субсидию или

категорически неприемлем для российской стороны. Согласно инструкции, направленной в декабре 1863 г. начальником главного штаба Кавказской армии Александром Карцовым Новикову, единственный «интерес» России с точки зрения выбора Портой районов размещения переселенцев заключался в том, чтобы она «не отводила горцам мест для поселения вблизи границ наших закавказских владений» [Кумыков 2001: 246]. В данном отношении весьма примечателен и комментарий британского консула в Керчи Чарльза Клиппертон, содержащийся в его письме Расселу от 10 мая 1864 г.: «Черкесы в основном переправляются в Варну (с мая 1864 г. – Г.Ч.) к большому удовлетворению русского правительства, как я заключаю из замечаний, которые неоднократно слышал от русских офицеров высокого ранга, в частности о том, что Турция не понимает своих собственных интересов, размещая черкесов на низинных землях вокруг Варны; если бы, напротив, их отправили к русским границам в Малой Азии, они стали бы лучшей и надежнейшей пограничной стражей, какую только можно пожелать, так как ненависть, питаемая ими к русским, самого закоренелого свойства, а с учетом того, что в случае необходимости они всегда получали бы поддержку, казакам было бы почти невозможно соперничать с ними» [Memorandum 1877: 9].

¹ Судя по всему, данная идея сразу же нашла положительный отклик в трабзонской провинциальной администрации. По сообщению российского консула в Трабзоне Александра Мошнина от 13/25 мая, Эмин-паша намеревался отправлять вновь прибывающих в провинцию черкесов «на поселение в Трапезундский пашалык, в особенности по эрзерумской дороге» [Кумыков 2001: 283].

² Данное положение отсутствует в известной нам версии («экстракте») письма Булвера Расселу. Однако о его наличии пишет Назан Чичек, знакомя, по-видимому, с полным текстом документа [Çiçek 2009: 68].

³ По Нейпиру, Горчаков показал ему упомянутое донесение во время одной из их встреч [Çiçek 2009: 85].

денежную компенсацию». В ответ на это требование Новиков не менее категорично указал французскому послу на «спонтанный» характер переселения черкесов, «желание самой Порты принять их» и отсутствие у России каких-либо обязательств относительно участия в расходах по расселению на османской территории отвергших царское подданство кавказцев [Çiçek 2009: 85].

Еще более разочаровывающий для сторонников изложенного выше варианта решения черкесского вопроса результат имели контакты самого Нейпира в российском МИД. Как следует из его письма Расселу от 17 мая, накануне он «взял на себя смелость» привлечь внимание Горчакова к «болезненным утверждениям» в британской прессе о тяготах и лишениях черкесов на их пути с родины в Анатолию и тяжелой нагрузке на османские финансы в связи с наплывом в страну нуждающегося во всесторонней поддержке населения «оценочной численностью в 300 тысяч душ». Возражения российского министра в целом совпадали со сказанным Новиковым де Мутье в Стамбуле и сводились к тому, что «племена настояли на том, чтобы покинуть страну», отказавшись от сделанного им «достойного предложения» поселиться на равнине, что существовала абсолютная необходимость их удаления из «горных твердынь, где их хищнические и воинственные привычки были бы неизлечимы», что озвученное послом ее величества количество переселенцев было сильно преувеличено и что, разумеется, «императорское правительство сожалело» об исходе. Решительно отвергая саму постановку вопроса о материальной компенсации Порте со стороны России, Горчаков заявил, что, несмотря на то, что на нынешнем этапе османское руководство действительно вынуждено нести существенные расходы, оно вместе с тем приобретает в лице черкесов «добавление к мусульманскому населению империи, которое будет иметь значительную ценность для турецкой армии» [Papers 1864: 6]. Таким образом, официальный Петербург предлагал видеть в текущих непомерных тратах султанского правительства на иммигрантов некую выгодную инвестицию в будущее государства Османов.

В отправленных 19 мая и 1 июня в Лондон депешах Нейпир, критикуя озвученную главой российской дипломатии калькуляцию потерь и приобретений османской стороны, подчеркивал, что в действительности Порты, «великодушно, но опрометчиво» взявшая на себя всю ответственность за заботы о «мало знакомых с каким-либо видом продуктивной деятельности горцах»¹, в ближайшей перспективе была обречена на убытки, а в более отдаленной – могла рассчитывать в лучшем случае на ограниченные преимущества², тогда как истинным бенефициаром

¹ Говоря о поспешности решения Порты о приеме черкесов, Нейпир упускал из виду, что османские власти оказались по существу перед свершившимся фактом массового бегства с Кавказа в Анатолию вынужденных из гор к морю людей, отказ которым во въезде в страну был бы, согласно составленному после долгих правительственных дискуссий докладу великого везира султану от 12 декабря 1863 г., «равносилен скрытому выражению согласия на их истребление» [BOA. İ.MMS 27/1189].

² Обосновывая эту мысль, Нейпир отмечал: «Если их поселят на равнине Добруджи, несовместимой с их привычками и конституцией, они умрут от лихорадки. Если их перевезут в Болгарию, они, вероятно, стеснят христианское население своим фанатизмом или хищническим поведением. Если их поселят в Малой Азии, они дадут Порте несколько тысяч иррегулярных всадников в случае нужды, но там никогда не было недостатка в башибузуках (наемных солдатах-иррегулярах. – Г.Ч.), а они, похоже, не слишком полезны в регулярной войне против иностранных держав, которых Порте следует страшиться больше всего» [Çiçek 85]. Как можно видеть, Нейпир артикулировал гораздо более скептический взгляд на потенциальную ценность черкесов для османской армии по сравнению не только с Горчаковым (явно осознанно эту ценность преувеличивавшим), но и своим

от переселения черкесов выступала Россия, избавившаяся таким путем не только от «стойкого врага в грозной позиции», но и от расходов, которые повлекло бы расселение этой массы людей в Прикубанье [Papers 1864: 7; Çiçek 85].

Впрочем, из упомянутых отчетов не вполне ясно, были ли данные соображения высказаны послом его российскому визави или предназначались только для главы Форин-оффиса. Известно, однако, что фактически в это же время, точнее 23 и 24 мая, Нейпиром были направлены Расселу еще два послания, в которых на основе прежде всего информации, почерпнутой им из бесед с Горчаковым и военным министром Дмитрием Милютиным и публикаций в мидовском официозе «Журналь де Сент-Петербург», довольно подробно и комплиментарно излагалась точка зрения царского правительства на причины и сопутствующие обстоятельства переселения, воспроизводившая, в частности, известные тезисы российской государственной пропаганды об упорном нежелании «дикого и обособленного народа» капитулировать на условиях победителей (то есть переместиться на Прикубанскую равнину), изначальном поощрении эмиграции Портой, вполне сносном положении ожидающих отплытия на кавказском берегу под личным патронажем Михаила Романова черкесов, виновности в гуманитарной катастрофе в Анатолии исключительно османских чиновников, непревышении общим числом переселенцев 100 тыс. чел. и др. [Papers 1864: 9-11; Memorandum 1877: 7-9]¹. В депеше же от 6 июня Нейпир, по существу ставя завоевателей и завоеванных на одну доску, отмечал, что, хотя российское руководство было «виновно в жестокости и несправедливости» и не проявило «гуманности и добросовестности, свойственных высшему состоянию цивилизации», оно, тем не менее, могло провоцироваться к ответному возмездию «ужасающим (atrocious)» обращением черкесов с ранеными и пленными противника. По убеждению Нейпира, которым он считал нужным поделиться со своим начальником, со стороны русских отсутствовало «преднамеренное стремление действовать с беспощадностью и нетерпимостью по отношению к своим мусульманским врагам или подданным», а часть пережитых черкесами несчастий должна была быть отнесена на счет «их собственного упрямого патриотизма и свирепости, стечения обстоятельств и несовершенства российской системы управления». Там же посол со всей откровенностью многоопытного служащего крупнейшей колониальной империи констатировал, что политика России в данном вопросе едва ли «существенно отличалась от того, как вели бы себя в схожей ситуации Франция или Великобритания» [Çiçek 2009: 86]².

коллегой в Стамбуле Булвером, тем самым в значительной степени дезавуируя план последнего. Практика русско-турецкой войны 1877-1878 гг. действительно продемонстрировала неоднозначную роль северокавказских иррегулярных формирований, в том числе и на кавказском фронте (см., напр.: Reid 2000: 137-154; Beşikçi 2015: 112-117).

¹ Милютин в своих мемуарах с похвалой отзываясь о Нейпире за его готовность к транслированию своему правительству согласованных с российскими официальными лицами трактовок событий на Северо-Западном Кавказе – «совершенно верных сведений по этому делу» [Милютин 2003: 455]. Правда, достоверность этих сведений легко может быть поставлена под сомнение признаниями самого экс-военного министра об осуществлявшемся им лично цензуровании в российской печати информации, которая могла бы прийти «некстати при тогдашних наших объяснениях с иностранными послами относительно... переселения горцев» [Милютин 2003: 456-457].

² В другой своей депеше Нейпир шел еще дальше: «История и действия самой Британской империи не позволяют британцам читать русским наставлений по черкесскому вопросу. Захват английскими колонистами охотничьих

Несмотря на то, что в этот период в Форин-оффис поступали от британских консулов и донесения с весьма отличными оценками положения на кавказском и анатолийском побережьях¹, в целом к началу лета интерес лондонского кабинета к проекту Булвера явно угас, что было вызвано не только отказом от участия в его финансировании Петербурга, но и обнаружившейся невозможностью привлечения для этого сколько-нибудь значимых средств и от подданных ее величества². Несомненно, однако, что не менее важной причиной данной перемены было нежелание Англии идти на серьезные политико-дипломатические осложнения в отношениях с Россией из-за практически исчерпавшей себя к рассматриваемому моменту в международном контексте черкесской проблемы. Достаточно показателен в данной связи факт объяснений, которые 4 июня пришлось давать в российском МИД Нейпиру по поводу ранее сделанного Расселом в палате лордов заявления о предположительно имевших место в процессе выселения «больших варварствах»³.

Галеты вместо кредитов и кораблей для черкесов

Незадолго до окончательного провала надежд на предоставление Стамбулу займа на расселение и обустройство беженцев в Лондон поступила еще одна просьба об оказании помощи пытающейся в одиночку справиться с миграционным кризисом Порте, впервые инициированная – в отход от вышеупомянутой установки на автономность в данном вопросе – ею самой. Импульсом для этого послужила выявившаяся нехватка в султанском флоте вместительных современных судов для реализации достигнутого в конце апреля с Россией соглашения о скоординированной переправке черкесов с Кавказа в Анатолию или Румелию⁴

угодий североамериканских индейцев или возделываемых сельскохозяйственных земель маори, изгнание с насиженных мест по соображениям безопасности многих склонных к волнениям племен в Индии не сильно отличаются от того, что сделали русские в Черкесии» [Çiçek 2009: 80]. В этих нелюбимых пассажирах можно усмотреть, наряду со своего рода критической рефлексией по поводу колониальной политики собственного государства, и манифестацию представления о тяжелой моральной миссии, вынуждающей европейцев (равно как и непреложном праве, позволяющем им) прибегать к насилию в отношении «отсталых», «полуварварских» народов ради распространения «цивилизации». По мнению Чичек, сознание общности этого имперского «бремени» способствовало определенному нивелированию в глазах британских дипломатов как геополитических озабоченностей в связи с успешным продвижением России на Кавказе, так и морального шока от страданий жертв данного продвижения [Çiçek 2009: 79-80].

¹ Например, Клиппертон 10 мая сообщал из Керчи, что выселение черкесов осуществляется «самым бесчеловечным образом. Российские правительственные служащие отправлены в... различные порты на черкесском побережье для надзора за эмиграцией, но они заботятся больше о своих собственных интересах, чем об интересах черкесов, не обращая никакого внимания ни на санитарные правила, ни на мореходность судов и их способность перевозить пассажиров». Большинство черкесов, по словам консула, находилось «в самом нездоровом состоянии из-за голода, грязи и лихорадки» [Memorandum 1877: 9]. С другой стороны, Стивенс в отчете от 19 мая писал о риске «значительного ущерба», перед которым оказались «два важных коммерческих города – Трабзон и Самсун» вследствие ежедневного прибытия туда новых групп беженцев, «заражающих местность в угрожающих размерах», что уже привело к перебоям с хлебом и опасности бунта [Papers 1864: 11].

² Кемаль Карпат пишет, что предпринятая в Англии некоторыми политиками и общественными деятелями попытка сбора средств для предоставления османской стороне займа на нужды черкесских иммигрантов сорвалась из-за отказа Порты гарантировать возврат этого долга или выплату процентов по нему [Karpat 1985: 69]. В документах, на которые он ссылается [Papers 1864], нет, однако, подобной информации.

³ Посол, в частности, заверил Горчакова в том, что термин «варварство» в устах британского министра иностранных дел относился лишь к факту необычайно высокой смертности среди переселенцев, но никак не к действиям российских властей [Memorandum 1877: 11-12].

⁴ Румелия (тур. *Румели*) – османские Балканы.

на военных и торговых кораблях двух держав¹. Явно рассчитывая на получение от Англии как формальной – со времени Крымской войны – союзницы своего рода гуманитарной поддержки, Али-паша, согласно датированному 25 мая донесению Булвера в Форин-оффис, провел с ним встречу, в ходе которой, признав неспособность своего правительства, «невзирая на все предпринимаемые усилия, обеспечить необходимые транспортные средства для доставки в Турцию собравшихся на берегах Черного моря больших масс людей», просил ходатайствовать перед британским кабинетом о выделении османскому государству «в качестве акта истинной щедрости и человечности» кредита либо нескольких крупных пароходов с целью их временного задействования в указанных перевозках. Это, по словам великого везира, позволило бы отказаться от использования подвергающих значительному риску жизни пассажиров «доступных» судов (то есть кочерм и сандалов), а также принимать на борт скот и объемный скарб переселенцев и тем самым избавить османское правительство и крестьянство от «больших жертв» по наделению черкесов сельскохозяйственными животными и инвентарем заново [Şaşmaz 1998: 356].

Несмотря на то, что соответствующий запрос посла был поддержан Расселом, уже в начале июня британские казначейство и адмиралтейство выступили категорически против безвозмездного участия кораблей королевского флота в подобной «затратной» операции, не возражая, правда, против найма Портой за собственный счет английских коммерческих судов. Кабинет министров, опасавшийся давать повод для двусмысленных толкований нахождения британских кораблей в Черном море², также согласился с этим решением, после чего Али-паше не осталось ничего другого, как заняться изысканием в османской казне средств для аренды хотя бы нескольких иностранных судов [Şaşmaz 1998: 357-359]. По всей вероятности, это ему в какой-то степени удалось, поскольку 8 июня Булвер информировал Рассела об очередном обращении к нему османского правительства с просьбой об экстренном фрахте пяти-шести больших кораблей, в связи с чем в структуре английского посольства в Стамбуле предлагалось создать специальный комитет по контролю за своевременным внесением причитающихся платежей [Şaşmaz 1998: 358].

Максимальная же сумма, которую казначейство ее величества все-таки сочло допустимым пожертвовать в порядке «диктуемой гуманностью... благотворительности» на оказание помощи бедствующим черкесам, составила 5 тыс. фунтов стерлингов, на которые Булвер по распоряжению Рассела организовал закупку на базе английского флота на Мальте примерно 600 тонн галет³, до середины июля несколькими партиями доставленных в Самсун, Трабзон и другие

¹ Об этом соглашении см.: Кумыков 2001: 267-268; АВПРИ. Ф. Канц. министра иностр. дел. Оп. 469. Д. 30. Л. 418-419.

² Согласно Парижскому мирному договору 1856 г., в Черном море запрещалось нахождение военных кораблей всех государств, за исключением ограниченного числа легких российских и османских судов.

³ Выбор галет в качестве предмета помощи, видимо, был подсказан Булверу письмом английского доктора Диксона из Самсуна от 20 мая, где отмечалось, что даже в случае наличия в городе достаточного количества муки обеспечить всех беженцев хлебом все равно было бы невозможно из-за нехватки печей (поскольку булочники закрыли свои пекарни и покинули город [Papers 1864: 11]). «Нам нужны галеты. Есть люди, умирающие от голода», – взывал доктор [Çiçek 2009: 85-86].

пункты временного размещения беженцев в Анатолии [Şaşmaz 360-361; Memorandum 1877: 10-11].

В дальнейшем британская дипломатия, судя по всему, не предпринимала никаких демаршей по поводу черкесской иммиграции 1863-1864 гг., продолжая, однако, глазами своих представителей пристально наблюдать за развитием ситуации и действиями в этой сфере османских властей¹.

Заключение

Рассмотренная дипломатическая корреспонденция, с одной стороны, полностью подтверждает и дополняет данные российских, турецких и других источников о катастрофическом с точки зрения организации и, как следствие, гуманитарных итогов (с обеих сторон Черного моря) характере исхода черкесов в Османскую империю в 1863-1864 гг.

С другой стороны, она демонстрирует двойственность позиции официального Лондона в связи с проблемой черкесских беженцев, обусловленную общей логикой и реалиями англо-русского соперничества в рамках т.н. «восточного вопроса» с его неизменной вариабельностью «жесткой» и «мягкой» линий. В сущности, на протяжении довольно короткого отрезка времени британскими дипломатами в Стамбуле и Петербурге были представлены своему правительству два варианта реагирования на ставшее фактом перемещение почти всего населения Черкесии во владения султана. План посла Булвера, исходивший из традиционного настороженного восприятия любого усиления позиций России в Причерноморье как ослабляющего возможности государства Османов к противодействию вероятному вторжению с севера и, следовательно, подрывающего британо-русский баланс политических и экономических сил на Ближнем Востоке, предполагал максимально компактное (и объективно наиболее этно- и социосберегающее) размещение черкесов в их новой стране в видах их скорейшей (ре)функционализации в качестве барьера против указанной потенциальной агрессии и, шире, установление над ними неформального английского покровительства/контроля в контексте обеспечения долгосрочных интересов Лондона в регионе. В противовес этому, взгляд на ситуацию вокруг черкесского кризиса посла Нейпира не только отвергал необходимость излишне резкого осуждения стратегии российских властей на Северо-Западном Кавказе и акцентирования темы их моральной и финансовой ответственности за «нецивилизованные» методы колониальной экспансии, но и явно не был чужд некоторой имперской эмпатии к Петербургу. При этом Нейпир фактически ставил под сомнение реалистичность и целесообразность предложения Булвера о создании крупного массива черкесских военных колоний в Северо-Восточной Анатолии, несомненно, учитывая и

---

¹ Так, согласно отчету замещавшего Булвера секретаря английского посольства в Стамбуле Уильяма Стюарта, к 20 сентября 1864 г. Порты переправила из Трабзона и Самсуна морским путем через Босфор в различные западные провинции с целью расселения там 74 206 черкесов, из которых 1 393 умерли в пути (до Босфора), а 5 511 остались в Стамбуле (1 568 записались в рекруты, 3 494 лица рабского статуса были проданы владельцами, 449 детей определены в сиротские приюты). Благодаря этому и параллельным эвакуациям иммигрантов сухим путем в центральные и восточные районы страны в двух названных портах к указанному времени оставалось не более 10 тыс. черкесов [Memorandum 1877: 15-16]. Спустя две недели, однако, Стюарт сообщал о прибытии в Самсун из-под Анапы новой группы численностью в 2 300 чел. [Memorandum 1877: 16].

провокационность подобного «буферного» образа поселения кавказцев в глазах российского руководства. В результате, несмотря на обсуждение лондонским кабинетом в мае-июне 1864 г. обоих альтернативных подходов, предпочтение после не слишком продолжительных колебаний было отдано – и по финансовым, и по политическим соображениям – второму.

Что касается самих кавказцев, эпический масштаб страданий которых изначально послужил основанием для описанной активности, то выделенная для них британским казначейством после тщательных обдумываний и взвешиваний весьма скромная по относительным объемам, но все же достойная признания – в особенности на фоне всеобщего официального равнодушия и на Западе, и на мусульманском Востоке – гуманитарная помощь в виде галет, бесспорно, способствовала поддержанию жизней какого-то количества бедствующих людей в портах Анатолии. Кроме того, можно предположить, что так или иначе продемонстрированная на данном этапе Лондоном обеспокоенность судьбой черкесов и соответствующие демарши английских дипломатов в какой-то степени подтолкнули правительства в Петербурге и Стамбуле к более действенным и оперативным мерам по облегчению положения беженцев на обоих берегах Черного моря и упорядочению процесса их транспортировки.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи.

Берже 1882 – *Берже А.П.* Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. – Кн. II. – 1882. – С. 337-363.

Дегоев 2009 – *Дегоев В.В.* Кавказ и великие державы (1829-1864): политика, война, дипломатия. – М.: Рубежи XXI, 2009. – 560 с.

Дроздов 1877 – *Дроздов И.* Последняя борьба с горцами на Западном Кавказе // Кавказский сборник. – Т. II. – 1877. – С. 387-457.

Еремеев, Мейер 1992 – *Еремеев Д.Е., Мейер М.С.* История Турции в средние века и новое время. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1992. – 245 с.

Касумов, Касумов 1992 – *Касумов А.Х., Касумов Х.А.* Геноцид адыгов. Из истории борьбы адыгов за независимость в XIX веке. – Нальчик: Логос, 1992. – 199 с.

Кравцов 1886 – *Кравцов И.С.* Кавказ и его военачальники (1854-1864). – СПб: тип. В.С. Балашева, 1886. – 73 с.

Кумыков 2001 – Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20-70-е гг. XIX в.). Сб. арх. док-тов / сост. Т.Х. Кумыков. – Нальчик: Эльбрус, 2001. – 496 с.

Кумыков 2003 – Архивные материалы о Кавказской войне и выселении черкесов (адыгов) в Турцию (1848-1874 гг.) / сост. Т.Х. Кумыков. – Нальчик: Эль-Фа, 2003. – 413 с.

Милютин 2003 – *Милютин Д.А.* Воспоминания (1863-1864 гг.) / ред. Л.Г. Захарова. – М.: РОССПЭН, 2003. – 688 с.

Нарочницкий 1988 – История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.) / отв. ред. А.Л. Нарочницкий. – М.: Наука, 1988. – 659 с.

Панеш 2006 – *Панеш А.Д.* Западная Черкесия в системе взаимодействия России с Турцией, Англией и имамом Шамиля в XIX в. (до 1864 г.). – Майкоп: МГТУ, 2006. – 250 с.

Положение 1862 – Положение о заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России // Военный сборник. – Т. XXVIII. – 1862. – С. 235-284.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.

Тхамокова 2021 – *Тхамокова И.Х.* Выселение хакучей в Османскую империю и Кубанскую область (1864-1870): причины, основные этапы, итоги // Кавказология. – 2021. – № 3. – С. 44-62. – DOI: 10.31143/2542-212X-2021-3-44-62.

Фадеев 2010 – *Фадеев Р.А.* Государственный порядок. Россия и Кавказ / сост. С.В. Лебедев, Т.В. Линицкая. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – 992 с.

Чочиев 2019 – *Чочиев Г.В.* Отчеты доктора Бароцци о черкесской иммиграции в Османскую империю в 1863-1864 гг. // Известия СОИГСИ. – 2019. – № 32. – С. 116-138. – DOI: 10.23671/VNC.2019.71.31180.

Beşikçi 2015 – *Beşikçi M.* Başıbozuk Savaşçıdan ‘Makbul’ Tebaaya: 1877-1878 Osmanlı-Rus Savaşı’nda Osmanlı Ordusunda Çerkez Muhacirler // Hacettepe Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Dergisi. – 2015. – No 23. – P. 85-123.

BOA – Türkiye Cumhuriyeti Cumhurbaşkanlığı Devlet Arşivleri Başkanlığı Osmanlı Arşivi.

Çiçek 2009 – *Çiçek N.* “Talihsiz Çerkeslere İngiliz Peksimetî”: İngiliz Arşiv Belgelerinde Büyük Çerkes Göçü (Şubat 1864 – Mayıs 1865) // Ankara Üniversitesi Siyasal Bilimler Fakültesi Dergisi. – C. LXIV. – 2009. – No 1. – P. 57-88.

Exodus 1864 – The Circassian Exodus // New Zealand Spectator and Cook’s Strait Guardian. – August 17, 1864 (перепечатано из The Times, May 9, 1864).

Karpat 1985 – *Karpat K.H.* Ottoman Population (1830-1914): Demographic and Social Characteristics. – Madison: The University of Wisconsin, 1985. – 242 p.

Köremezli 2004 – *Köremezli İ.* The Place of the Ottoman Empire in the Russo-Circassian War (1830-1864). Unpublished MA Thesis. – Ankara: Bilkent University, 2004. – 112 p.

Memorandum 1877 – United Kingdom. The National Archives. Foreign Office. Confidential. No 881/3065 (Memorandum respecting Circassian Emigrants in Turkey. Printed for the use of the Foreign Office. January 1877). – 28 p.

Papers 1864 – Papers respecting the Settlement of Circassian Emigrants in Turkey. Presented to the House of Commons by Command of Her Majesty, in pursuance of their Address dated June 6, 1864. – London: Harrison and Sons, 1864. – 15 p.

Reid 2000 – *Reid J.J.* Crisis of the Ottoman Empire: Prelude to Collapse (1839-1878). – Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2000. – 517 p.

Şaşmaz 1998 – *Şaşmaz M.* Immigration and Settlement of Circassians in the Ottoman Empire on British Documents (1857-1864). // Ankara Üniversitesi Osmanlı Tarihi Araştırma ve Uygulama Merkezi Dergisi. – 1998. – No 9. – P. 331-366.

REFERENCES

Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire].

Arkhivnye materialy o Kavkazskoi voine i vyselenii cherkessov (adygov) v Turtsiyu (1848-1874 gg.) [Archival Materials about the Caucasian War and the Eviction of the Circassians (Adygs) to Turkey (1848-1874)] / comp. by T.Kh. Kumykov. – Nalchik: El-Fa, 2003. – 413 p. (In Russ.).

BERZHE A.P. *Vyselenie gortsev s Kavkaza* [Eviction of Highlanders from the Caucasus]. – IN: *Russkaya starina* [Russian Antiquity]. – Book II. – 1882. – P. 337-363. (In Russ.).

BEŞİKÇİ M. *Başıbozuk Savaşçıdan ‘Makbul’ Tebaaya: 1877-1878 Osmanlı-Rus Savaşı’nda Osmanlı Ordusunda Çerkez Muhacirler.* – IN: *Hacettepe Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Dergisi.* – 2015. – No 23. – P. 85-123.

CHOCHIEV G.V. *Otchety doktora Barotsi o cherkesskoi immigratsii v Osmanskuyu imperiyu v 1863-1864 gg.* [Reports of Doctor Barozzi on Circassian Immigration to the Ottoman Empire in 1863-1864]. – IN: *Izvestiya SOIGSI.* – 2019. – No 32. – P. 116-138. (In Russ.).

ÇİÇEK N. “Talihsiz Çerkeslere İngiliz Peksimetî”: İngiliz Arşiv Belgelerinde Büyük Çerkes Göçü (Şubat 1864 – Mayıs 1865). – IN: *Ankara Üniversitesi Siyasal Bilimler Fakültesi Dergisi.* – Vol. LXIV. – 2009. – No 1. – P. 57-88.

DEGOEV V.V. *Kavkaz i velikie derzhavy (1829-1864). Politika, voyna, diplomatiya* [Caucasus and the Great Powers (1829-1864): Politics, War, Diplomacy]. – Moscow: Rubezhi XXI, 2009. – 560 p. (In Russ.).

DROZDOV I. *Poslednyaya bor'ba s gortsami na Zapadnom Kavkaze* [The Last Fight with the Highlanders in the Western Caucasus]. – IN: *Kavkazskii sbornik* [Caucasian Collection]. – Vol. II. – 1877. – P. 387-457. (In Russ.).

EREMEEV D.E., MEIER M.S. *Istoriya Turtsii v srednie veka i novoe Vremya* [History of Turkey in the Middle Ages and Modern Times]. – Moscow: Moscow University, 1992. – 245 p. (In Russ.).

FADEEV R.A. *Gosudarstvennyi poryadok. Rossiya i Kavkaz* [State Order. Russia and the Caucasus] / comp. by S.V. Lebedev, T.V. Linitskaya. – Moscow: Institute of Russian Civilization, 2010. – 992 p. (In Russ.).

Istoriya narodov Severnogo Kavkaza (konets XVIII v. – 1917 g.) [History of the Peoples of the North Caucasus (late 18th c. – 1917)] / ed.-in-chief A.L. Narochitskii. – Moscow: Nauka, 1988. – 659 p. (In Russ.).

KARPAT K.H. *Ottoman Population (1830-1914): Demographic and Social Characteristics*. – Madison: University of Wisconsin, 1985. – 242 p.

KASUMOV A.KH., KASUMOV KH.A. *Genotsid adygov. Iz istorii bor'by adygov za nezavisimost' v XIX veke* [Genocide of Adygs. From the History of the Struggle of the Adygs for Independence in the 19th c.]. – Nalchik: Logos, 1992. – 199 p. (In Russ.).

KÖREMEZLİ İ. *The Place of the Ottoman Empire in the Russo-Circassian War (1830-1864)*. Unpublished MA Thesis. – Ankara: Bilkent University, 2004. – 112 p.

KRAVTSOV I.S. *Kavkaz i ego voenachal'niki (1854-1864)* [The Caucasus and Its Military Leaders (1854-1864)]. – St. Petersburg: V.S. Balashev Press, 1886. – 73 p. (In Russ.).

MILYUTIN D.A. *Vospominaniya (1863-1864 gg.)* [Memories (1863-1864)] / ed. by L.G. Zakharova. – Moscow: ROSSPEN, 2003. – 688 p. (In Russ.).

Ottoman Archives of the Directorate of State Archives of the Presidency of the Republic of Turkey.

PANESH A.D. *Zapadnaya Cherkesiya v sisteme vzaimodeistviya Rossii s Turtsiei, Anglii i imatom Shamilya v XIX v. (do 1864 g.)* [Western Circassia in the System of Interaction of Russia with Turkey, England and Shamil's Imamate in the 19th Century (until 1864)]. – Maykop, Maykop State Technological Institute, 2006. – 250 p. (In Russ.).

Papers respecting the Settlement of Circassian Emigrants in Turkey. Presented to the House of Commons by Command of Her Majesty, in pursuance of their Address dated June 6, 1864. – London: Harrison and Sons, 1864. – 15 p.

Polozhenie o zaselenii predgorii zapadnoi chasti Kavkazskogo khrebtu kubanskimi kazakami i drugimi pereselentsami iz Rossii [Regulations on the Settlement of the Foothills of the Western Part of the Caucasus Ridge by Kuban Cossacks and Other Settlers from Russia]. – IN: *Voennyi sbornik* [Military Collection]. – Vol. XXVIII. – 1862. – P. 235-284. (In Russ.).

Problemy Kavkazskoi voyny i vyselenie cherkesov v predely Osmanskoi imperii (20-70-e gg. XIX v.). *Sbornik arkhivnykh dokumentov* [Problems of the Caucasian War and the Eviction of the Circassians to the Ottoman Empire (20-70s of the 19th c.). Collection of Archival Documents] / comp. by T.Kh. Kumykov. – Nalchik: Elbrus, 2001. – 496 p. (In Russ.).

REID J.J. *Crisis of the Ottoman Empire: Prelude to Collapse (1839-1878)*. – Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2000. – 517 p.

Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian State Military Historical Archives].

ŞAŞMAZ M. *Immigration and Settlement of Circassians in the Ottoman Empire on British Documents (1857-1864)*. – IN: *Ankara Üniversitesi Osmanlı Tarihi Araştırma ve Uygulama Merkezi Dergisi*. – 1998. – No 9. – P. 331-366.

The Circassian Exodus. – IN: *New Zealand Spectator and Cook's Strait Guardian*. – August 17, 1864 / reprinted from *The Times* of May 9, 1864.

TKHAMOKOVA I.Kh. *Vyselenie khakuchei v Osmanskuyu imperiyu i Kubanskuyu oblast' (1864-1870): prichiny, osnovnye etapy, itogi* [Khakuchi Forced Migration to Ottoman Empire and

Kuban Region (1864-1870): Causes, Main Phases and Results]. – IN: *Caucasology*. – 2021. – No 3. – P. 44-62. (In Russ.).

United Kingdom. The National Archives. Foreign Office. No 881/3065.

Сведения об авторе:

Г.В. Чочиев – кандидат исторических наук.

Information about the author

G.V. Chochiev – candidate of Sciences (History).

Статья поступила в редакцию 13.08.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2025 г.; принята к публикации 30.12.2025 г.

The article was submitted 13.08.2025; approved after reviewing 15.12.2025; accepted for publication 30.12.2025.